

Аркадий Драгомощенко

УПРАЖНЕНИЯ В ПОСТОЯНСТВЕ

~~ЧУЖДЕ-СТИХОТВОРЕНИЯ~~

2.

Говори, но будь осторожен,-

В дверь, простую как вера, промокшие гости стучат
называя себя и года, точно цветы по лепесткам обрывая,
Сутулые, старые, напоминают они мне отца, которого я
теперь старше.

О, как гости бедны мои! И как бедность нежна!-
Лишь юность может сравниться с ней в нежности,
еще озерные лилии, да, пожалуй, сомнамбулический
снег,

погребающий медленно вечерние рощи,
О, как гости бедны!

Моя юность уходит, говорил я отцу, распростертому
в зимней постели,

(Уменьшенный вдвое недугом он плакал),

Но не ведал, что так уходит она...

А виной всему тени - тени нас привлекали: серафимов,
растений, возлюбленных.

Мы изучали строение тени, как средневековые маги стихию
огня, так солнечный стебель в лунные ночи вода изу-
чает,

Поначалу долгим изгибом незнанья, губами, памятью,
пеньем,

Теперь мне понятно, почему качели скрипят и чей ребенок
плачет в сугробе,

Шелушится синева куполов -

пешеход по горбатым мостам над червивым каналом летает,
над протаявшим мраком дымок беспечно убит,

День составлен не просто, соткан из ночных превращений,
Но говоря о том будь осторожен всегда.

3.

Госпожа серебряных муравьев,
 притаившихся за ушами,
госпожа юных лет с глазами тумана,
 испепеленного в низине ночью,
где зелень ищет защиты в черном,
И золото, проливаясь в колос, никнет
 к листве опустошенной морозом,
К листве, кружащей на перекрестке
 двух времен года—
Где редкой лазури ожоги больней
 ржавчины ветра,
О Боже, не гони травой мое тело,
Не пали ты его гневным дыханием,
Это мука, оставаясь на месте, стлаться
 и рваться подобно камню под ветром,
И пусть послание в руку рекой отвесной
 текущее, в дрожащую кисть муравьиным
 ручьём входящее — пусть минует
мой череп плешивый, не тронув слабую
 мякоть память.

Следуя струнным орудиям,
В юную глину, не отступая на шаг,
Вомнешь — тень это нечто,
возомнившее себя оснеженной птицей,
 тлеющей в оцинкованном устье
 протяжного мертвого звука,
Тяжести тень, упавшая на ясные стены
 воздуха,
имеющая человека в своем средоточьи,
Пуглива она, тонкая боязливая птица,
 запертая в клетке света,
изукрашенная зрачками,
точно каплями камня,
развязавшего бечеву гордой крепости,
Омоешь лицо ее шепотом,
музыкой, в которой ни вздоха ни выдоха,
Потоками тополиного пуха, о пресловутой
 пяте памятуя,
Оденешь в свое ненужное тело,
как день ее одевает в деревья,
Затаишь на острие души,
 полощущей широкими рукавами —
Подобно стрекозам, стоящим в зените
ломающим под ее тяжестью крылья.

сонного плеса,
тихо колебля весы слабых лучей,
И пустота уходила, обгоняя все жизни -
Теперь она новой любовью неслышно души
разит.

7.

Все случится не так, как гадали, не дети...
Продираясь насквозь чрез замученный страх,
Коим, словно в сиротском приюте, нас потчуют
щедро,

Мы, в паденьи друг друга любя, твердо видим
окрест -

Так разве? - Нет, в угодыях стыда, в хлопьях
сажи гражданской Король меланхолии, помнишь,
по колено во мглистом пруду пел безумный о
равенстве тел возлюбивших, заплетенных снегами
в мокрую ивы беды,

Мы травой прорастем сквозь могильные
плиты друг к другу,
Все случилось не так, - ниши узкие в небе,
места наших жизней, любовно
цементом зальют,

Господи, ведь мы уже давно придорожные камни.
И камню пятак легкобритвенный пытаются ныне
всучить за переправу - куда?

Мы травой прорастем сквозь сумрак могильный и
смехом листьев сухих поутру будем

дрожать,
Слушая, как в бездонную щель между будущим
и настоящим
август угрюмый погонит обол завершением

счастья,
И он почернеет, едва коснувшись сетчатки -
гниль из гнили - освещаая пальцы разлукой...

Удержишь, я крикну качнувшись, удержишь!

Ты можешь, милое зеркало инея в этом
угольном мире -

Жена всех живее с именем изумрудным, теней тень
благая, Зинаида - ангел основы,

Назовут и окликнут...

Госпожа высокородного пепла, мотыльков черных,
сухой морской пены.

(жалоба)

чайка летит над каналом,
ее перья чисты,

издалека хрустальны
подобно страницам книги,
ненужной людям,

тронуты молоком вечерним,

блуждает некое тело
в мороке белой ночи
измученное зеркалами—
крылами,

снова чайка вечерняя
тянется вдоль увядая
цветком полевым
в день гнева Господня,

перышком дыма над отмелью,
Значит это, что должны прийти
гости,

И гости придут,
введя в дом скользкие вести,
А когда задушат меня
бедные гости,

вести уйдут,
И никто не услышит,
как белая чайка будет
медленно удаляться от окон,
зажигая звезду в горле колодца,
кровью слепую
ее оmyвая,

пеньем невидимым
мои годы прощая.

Я тебя понимаю вполне — трудно представить где и когда... Но все же попытайся припомнить, что под звездой живешь, под звездой — с перерезанным горлом. Руки мановение, поворот головы, должны выразить что-то, бормотание, шепот так ничем и не станут.

На дороге лежишь бездыханно, падашь любезных Богу, Пыль ласкает ладони, персть душистая тебя засыпает... Даже не так!

Все сначала — я скажу, что как звезда ты, и сходство меж вами, точно между сестрою и братом,

Но не оно делит мои годы, не оно отравляет меня, Продолжаю: не походя ничем на нее, ты и живешь по-иному, не отдаляясь, не приближаясь к развалинам звездным и, покидая, входишь в окружность хрустальную зренья, растворяясь бесследно — так путник в заснеженном поле, превозмогая себя, растекается бледным видением,

Не подобает искать тебе то, что пролегло между братом и братом, между убийцей и жертвой в тугих разветлениях крови, теченья не знающей вспять. Ведь только сны и холодные птицы прилетают назад, и много раз прилетают, пока не рассеются в воздухе.

Я тебя понимаю, Аркадий, вполне.

Да, возможно, ты прав, на дороге лежишь, искрится пыль на ладонях, латинские звезды с разогнутыми серпами, желтым воском каплют тебе на плечо, теперь ты не вызываешь у них подозренья, много птичьего в них, к примеру, жестокость и легкость, Итак, поднимаешься. Тени колес тебя гонят по заросшим дорогам, жужжа рассыпается степь, старым семенем воздух льется на волосы.

Да, бежать сломя голову... да, бежать вслед за ними, за
всеми, за теми, кто жил или не жил,
Однако, пределы... Забывая о них, ты рискуешь не стать
ни словом, ни ином,
все тише,
тише,
неразличимей.

Угасая наощупь войду в окружность хрустальную глаза,
где троятся миры, наливаясь белой силой огня,
а на дне животрепещущей сферы простирается исполненный
сотами сад,
тесноты небывалой
космос,
граничащий только с собой...

О пределы, я мечтаю о них! Это ли не Египет с его
пирамидальным строением времени?
Это ли не число в тростнике царских тел?

Зерно отраженья если смолоть, то и тогда оно тайны не
выдаст, но хлебов нам не печь — зерно повторенья,
умножаясь друг в друге,
единством невзрачным цветет,

и в приписке корявой:
цветы те незримы, неслышны,
и пределы неведомы,

Лишь только учитель — я сам — в учениках у себя
поистлевший,
упованьем безумным охвачен по кругу будет блуждать,
слушая пчел, прожигающих жалом блаженным сердце смерти,

Так раньше я слушал как полагается тягость листу,
как изменяется цвет, как с молчанием борется голос —
хромоногий Иаков, как киммерийский холмов
могучее бремя в смрадный жмых
обращает свиней,

О, до речи ль теперь мне?!
Красным прикинулась зелень,
многорукий бурьян ягоду солнца жадно жует,
Черный кочет бьет клювом в окно,
золотую кость зноя гневный колос грызет,

Алый петел, владыка зари, кличет на кровле
церковной -

Рвутся mreжи травы, возглашает петух -
Приближаются дети и пчелы,
Отвердевает на камне вязкий меда янтарь.
Утром в обугленный лес плоти уставшей
возвращаются женщины немо -

И в новой приписке:

Тому свидетелем был,
Приподнявшись на локте, в простынях многожилых,
в наготе беспощадной как утро,
я следил за оживающим лоном жены,
Но "душа в храме предков" гласит жалкая книга,
Поражение света сменится восхождением войск

на холмы,
Упрятав оружие в розах, три года не сдвинутся
с места

они,
три года, .
три сна,
три, разъяренным стеклом сентября
брызнувшие под подбородком лодки,

по весеннему бритва легка и проста,
чуть солоновата у пальцев,
точно в излучке ресницы слеза,
Ах, сколь неповторимо, чудесно витает монета
над порядком нечетных и четных рядов.

11.

Над нечетным ручьем, день за днем
два крыла мотыльковых мелькает,
воспоминаям странствия муча меня,

Ночь окончена.

Сколько жизней мне выпало повторять эти
слова, довольствуясь влажным теплом округленных
и темных созвучий,

Не лютнями в искушенных перстах,
Жилами были на ореховом ворота речи,
И низко гудели, словно жаркие пчелы,
спасительной мглой облепившие глаз.

12.

Да, разумеется это... высокомерие лени (добавить)
кто-то был, кто-то не был, но всех мы безмерно
любили,

и впрямь, не от того ли тоска?

Не от того ли, что судьбы слиплись в заигранной
жирной колоде, и
при сдаче ты ныне, дружок, получаешь разом, сполна?

Но окончена ночь в оплывших свечах междометий,
На чердаке о стропила усталой льдинкой бьется
весна,

И все же смешно говорить о весне,
Когда в прибрежных низинах, утопая в снегах
на свистящем безветрии ветвями пытая пространство,-
сосны стоят,
начертаны в небе неярком воздушным резцом,
Где одиночество, мерное солнце мое, надолго
взойдет,

и под ним, не принадлежа ни себе, ни народу,
я закрою глаза, чтобы видеть над током ручья
прах пылающий мотылька - горит не сгорая,
Я закрою глаза, чтобы вдохом в устах
растопить:

"ты под звездой живешь..."

Ну да хвоя, конечно,
Раскаленная северным светом,
снег на землю валит,
Ковром сумасшедшего дома
падает под ноги день,

Хотя я, быть может, напутал, не это,
Все не то, все невпопад -
Все растерялось - пустоши, вереск,

багульник, в суженном поле осоки,
зверек мутноватый вина,
все тише и тише,
Размыкая безвольно кольцо,
утихаю и я.

13.

Ну так солги! Пообещай, что вернутся,
обвив повиликой запястья, ясным цветком
земляники украсивши грудь...

Не пристало нам лгать.

Живя по-иному, не приближаясь, но отдаляясь
от небесного рея,

самую малость оставляешь себе,
Право на то, чтобы иной закрывал тебе очи,
А раньше? Я теряюсь в догадках — где вы

теперь?

А та? Без которой я не знал, на что даны были кости, обросшие венами, кожа, корни боли.

СПЯЩИЕ В НЕЙ,

В каких она странах? Что она думает, глядя
на крыши в год дождей-монотонных,
Ужас какой, приподнимая кофейное веко, гонит ее
вдоль бессонных домов?

И кто ее охраняет, раздвигая ладонями бедра,
и чей ястреб дыхания ее бережет?

А раньше... Нет, скажи — о нежная бедность,
О слезы мучительных обручений!

Когда бы решал я — тебе не родиться
молвит отец, тая трудно в нечеловеческой
зимней постели...

14.

Минуя разъятые части слова и света,
Я слухом медлительным плыл, ревом
 подземного ветра влекомый,
как бы по цепким корням голосов,
обвороченных жухлой травой и безучастностью
 дыма...

Струйки песчаных страниц,
Хрустящие ребра гербария,
Раковин розовый разум,
Золотые оползни смеха

ВИЛИСЬ ЗМЕИНЫМИ ЛОЗАМИ,
или в глубоком стекле инструментов
некой Троей дрожали,
семижды сожженной до этого —
Амальгама основы несложной была,
Подоплекой эоловых празднеств —
Несколько зон пустоты, обладая
природой числа,
дышали под артерией речи, и
кичась простотой, серебряный гвоздь настигал
меня голубем рима, череп избрав мой
ковчегом даров....

Безупречный колодезный стебель,
обезглавленный поздний цветок —
Он сопутствует мне, грозя в одночасье
распуститься пурпурной короной мозга,
Так нержавеющей миг полярной стрелы
— красит клены и липы в киноварь
октябрьской смуты,
Мне бы прянуть назад, сводя мышцы
податливой почвой —
Подбирается аспидный кочет к переплетам окна —
Пешеходом мелькнуть, вскинув ветку оливы
над весами мостов, над

больным серебром рек никуда не текущих,
Концы промозглого шарфа разметав по плечам,
Мне бы кануть ресницей в сухое озеро ветра,
Но земля уходит от ног, под запавшее время
течет.

Снова цитатой из многотомного свода дремоты:
Зенит и надир, зрачок с бесполезным виском, где
 ни кровь, ни лазурь, но темноты —
на скрипящей оси
оборот завершают тугой.

Шепотом влажным городская стлалась зима,
За каждым углом по ангельской лодке бесплатно
 стучало,
И колокол, брат с прокисшей татарской скулой,
 на купола руки ронял через час
 или более...

И мы понимали, отец, что ветер не знает конца,
Что холм растущий в душе совершенен от ветра,
подобен звезде, ставшей чище от зрения,
И мера пространству одна — постоянство луча —
 от глаза летящего, брошенного обратно...

Но только не к нам,
Ибо нас к тому времени в помине не будет,
Кто-то другой в ознобе восторга — назовет
 солнце вечною каплею гибели,
Порожденною тенью, землею, островом осени,
Где были они и кого-то безмерно любили...
Где, что ни сентябрь — то сон, то зрачок, будто
 плод, с которого кожища
 снята

милосердой рукой
Снисходившего к ним без лица и без слова.